

Валерій
Шевченко

ЮНЫЕ БЕЗБОЖНИКИ
ПРОТИВ ПИОНЕРОВ

Валерий Шевченко

**Юные безбожники
против пионеров**

«Алисторус»

2009

УДК 141.33
ББК 86.42

Шевченко В. А.

Юные безбожники против пионеров / В. А. Шевченко —
«Алисторус», 2009

ISBN 978-5-9265-0733-8

Современные проблемы школьного образования в России можно сопоставить со сходными проблемами конца 1920-х – начала 1930-х гг., времени «великого перелома». Обращение к процессам, происходившим в советской школе того периода, позволяет глубже осмыслить проблемы современной российской школы.

УДК 141.33
ББК 86.42

ISBN 978-5-9265-0733-8

© Шевченко В. А., 2009
© Алисторус, 2009

Содержание

Введение	6
Глава I. Дискуссия 1927–1928 гг. о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании в школе	17
Исторические условия и предпосылки дискуссии	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Шевченко

Юные безбожники против пионеров

© Шевченко В.А., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

Введение

Реформирование общественно-политического устройства современной России сопровождается глубокими изменениями в духовно-нравственной сфере жизни. На школе, важнейшем общественном институте, всегда остро отражаются социальные трансформации. Современные проблемы школьного образования, в том числе соотношение обучения и воспитания в образовательном процессе, можно сопоставить со сходными проблемами конца 1920-х – начала 1930-х гг. – времени «великого перелома». Обращение к процессам, происходившим в советской школе в этот период, позволяет глубже осмыслить проблемы современной российской школы. Для исторической науки исследования, посвященные событиям и явлениям переломного времени, представляют особую значимость. Тем более если исследования касаются формирования мировоззренческих позиций подрастающего поколения.

В современной России немалые сложности встречаются на пути модернизации системы образования, возрождения нравственной ответственности каждого человека за полученные знания. Возникает потребность в том, чтобы не просто дать школьнику определенный набор знаний о мире и обучить полезным жизненным навыкам, но и обеспечить духовно-нравственное его развитие. Но как соотносить свободу человека и необходимость его воспитания? Вот как отвечал на такое противоречие русский мыслитель И.А. Ильин: «Свобода не есть свобода духовного растрепания, – утверждал он. – Глазному врачу предоставляется свобода лечить глаза пациентов по своему крайнему разумению и искусству, но предоставляется ли ему свобода выкалывать глаза своим пациентам? Подобно этому, всякая соблазнительная и разлагающая пропаганда безбожия и противодуховности есть не что иное, как систематическая работа над выкалыванием духовных очей у людей наивных и доверчивых»¹.

В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 29 сентября 1997 г. говорится, что «каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими»². Согласно закону, «по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать религии вне рамок образовательной программы»³.

Продолжается дискуссия о преподавании в школе курса Основ православной культуры. Позитивная цель: укрепление гуманитарного блока содержания образования, изучение основ культуры, борьба с распространением суеверий и псевдорелигий, умножившихся в 90-е годы, сводится к попыткам возвратиться, хотя бы отчасти, к фрагментам «Закона Божия».

Со стороны религиозной общественности предпринимаются попытки пересмотра некоторых устоявшихся основ содержания школьного образования. 25 октября 2006 г. в Санкт-Петербурге открылся уникальный судебный процесс. Впервые в России подан судебный иск Министерству образования с требованием изменить подходы к преподаванию эволюционной теории в средней школе. Истец, школьница Мария Шрайбер, подчеркивала, что теория Ч. Дарвина о происхождении видов оскорбляет ее религиозные чувства и нарушает права человека⁴.

Верующие люди требуют пересмотра некоторых аспектов содержания школьного образовательного процесса, в особенности тех, которые остались от десятилетий государственного атеизма.

---

¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2006. С. 72.

² Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465. С. 7669.

³ Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465. С. 7669.

⁴ Костюковский А., Шавлохова М. Маша разбудила Дарвина // Газета. 2006. № 230. 14 декабря. С. 5.

Восемьдесят лет назад в советской общеобразовательной школе вводили антирелигиозное воспитание, учебные программы и учебники пропитывались атеистическими сюжетами, верующих учителей увольняли с педагогической работы, в школе организовывали группы юных воинствующих безбожников. В 1929–1932 гг. школа призывалась формировать атеистическое сознание не только путем преподавания естественно-научных знаний, но и вовлекая школьников в активную борьбу с религией и Церковью.

Хронологические рамки данного исследования ограничены началом в 1927 г. дискуссии о замене безрелигиозного воспитания в школе антирелигиозным, которая сыграла роль в принятии новой антирелигиозной политики ВКП(б), и произошедшим к 1932 г. концептуальным изменением содержания школьного образования, переходом к предметному обучению, отразившимся на формировании школой мировоззрения нового поколения.

Историография проблемы носит фрагментарный характер. Отечественных и зарубежных исследователей интересовали, прежде всего, религиозно-государственные отношения в СССР, становление советской системы народного образования, цели и задачи атеистического воспитания советского населения в целом.

Выделим исследования, в которых в той или иной степени и объеме затрагивается проблема участия советской школы в антирелигиозном наступлении советской власти на рубеже 1920–1930-х гг. Выявляются два этапа, в рамках которых складывались основные линии анализа, их можно подразделить на советский этап (до 1990-х годов) и современный этап. По содержательным целям можно выделить два аспекта изучения, имеющие отношение к изучаемой теме:

1. Исследования становления и развития советской культуры в целом, ее важной части – общеобразовательной школы и педагогики;
2. Исследования церковно-государственных отношений в СССР и атеизации советского населения.

Прежде рассмотрим исследования становления и развития советской культуры, общеобразовательной школы и педагогики. Они находились под жестким воздействием генеральной линии партии, которая существовала в тот или иной период. Н.А. Константинов и Е.Н. Медынский издали в 1948 г. первую монографию, подводящую итоги развития советской школы за 30 лет. Авторы настолько находились под влиянием резкого поворота И.В. Сталина к Церкви в 1943 г., что осмелились отвести проблеме атеистического воспитания в школе лишь один абзац. Отметим, что в работе большое место отводилось содержанию школьного образования, анализировались школьные программы и учебники. Антирелигиозный материал, который, как покажет наше исследование, находился в них, однако, прошел мимо авторов.

Изданная в 1954 г. этими же авторами совместно с М.Ф. Шабаевой работа на сходную тему также следовала в фарватере сталинской политики 1943–1953 гг. по взаимодействию и условному примирению с Русской православной церковью. Характеризуя периоды 1926–1929 и 1930–1934 годов, авторы ни словом не обмолвились ни об антирелигиозном воспитании в школе, ни о существовавшем в СССР в 1929–1932 гг. массовом детском безбожном движении, ни, тем более, о резкой смене политического курса. Анализируя комплексно-проектные программы Наркомпроса РСФСР для начальной школы, выпущенные в 1929 г., они только отметили, что «советская школа, вооружая учащихся в процессе учебной и внеучебной работы материалистическим пониманием явлений природы, общественного развития, тем самым вырабатывала у подрастающего поколения основы коммунистического мировоззрения, постепенно освобождала сознание школьников от предрассудков и суеверий»⁵.

---

⁵ Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История советской школы и педагогики. М., 1954. С. 11. Глава «Советская школа и педагогика в период социалистической индустриализации (1926–1929 гг.)».

«Смягчение» И. Сталиным отношений с РПЦ, восстановление патриаршества и др., вызванные тяжелейшими условиями Великой Отечественной войны, уже не были актуальны в период развенчания Н. Хрущевым культа личности И. Сталина. Это позволило анализировать опыт атеистического воспитания 1920–1930-х годов в более близких к реалиям оценках, ввести в научный оборот некоторые конкретные факты. Вышеупомянутый Н.А. Константинов в соавторстве с Н.А. Зиневич в 1955 г. опубликовал статью о роли Н.К. Крупской в атеистическом воспитании учащихся⁶. В 1959 г. публикуется статья П.А. Кузнецова на эту же тему⁷. Авторы анализировали идеи Крупской, основываясь на содержании статей, опубликованных в 1920-х – 1930-х годах. Никаких попыток привлечь к анализу архивные источники не производилось.

В 1961 г. выходит фундаментальный труд Ф.Ф. Королева, Т.Д. Корнейчика и З.И. Равкина о развитии советской школы и педагогики⁸. В нем и хронологически, и структурно продолжено исследование академика АПН РСФСР Ф.Ф. Королева периода 1917–1920 гг.⁹

В работе указанных авторов, исследовавших интересующий нас период, свобода доступа к тем источникам, которые использовал Королев, уже существенно ограничена. Издание осуществлялось под грифом Института теории и истории педагогики АПН РСФСР. В нем имеется специальный параграф «Антирелигиозное воспитание», в котором даны общие оценки проводимой школой работы. Так, лишь эпизодически упомянут термин «безрелигиозное воспитание», сформулировано как вывод «пассивное отношение Наркомпроса к задачам антирелигиозного воспитания» в 1927–1928 гг. Критикуется его осторожная позиция по данным материалов центральной и местной печати. Отмечается влияние религиозных организаций на школьников, приводятся данные обследований религиозности учащихся школ, разбирается ряд программ, составленных отдельными школами на основе программ Наркомпроса, оценивается в целом степень их антирелигиозности. Более подробно авторы останавливаются на историко-педагогических аспектах проблемы: методах антирелигиозной работы со школьниками, формах работы (школьные антирелигиозные кружки, участие школьников в антирелигиозных кампаниях)¹⁰.

Что касается конкретно-исторического аспекта этой коллективной монографии, то многое вовсе исключалось из анализа или не договаривалось. Во-первых, не упоминалась ни дискуссия о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании, ни ход ее, ни состав участников, ни ее побудительные факторы. Во-вторых, не рассмотрен ход и механизм принятия решения о проведении антирелигиозного воспитания в школе. Не выявлена роль высших органов ЦК ВКП(б) в этом процессе. В-третьих, не анализировались ни организация работы, ни ход изменения содержания учебных программ и учебников, выпущенных Наркомпросом в 1929–1932 гг. для реализации новой политической линии. В-четвертых, несмотря на то, что разбирались методы антирелигиозной работы, опускалось из виду наличие детского безбожного движения как неотъемлемой части нового политического курса. В-пятых, упускалась из виду работа вне школ. В-шестых, умалчивались негативные факты, подавались лишь те из них, которые не позволяли оценить трагизм положения, создававшийся в школе в связи с изменением политического курса: увольнение верующих, но лояльных советской власти, учителей, конфликты учителей между собой, учащимися, родителями на этой почве. Авторы лишь обмол-

---

⁶ Константинов Н.А., Зиневич Н.А. Н.К. Крупская об атеистическом воспитании детей // Советская педагогика. 1955. № 7. С. 62–68.

⁷ Кузнецов П.А. Н.К. Крупская об атеистическом воспитании учащихся // Биология в школе. 1959. № 2. С. 11–15.

⁸ См.: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961.

⁹ Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917–1920. М., 1958.

¹⁰ Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961. С. 283–296.

вились о наличии «иногда» отдельных «крайностей» и «перегибов», приведя в пример один случай 1928 г., т. е. до официального введения нового политического курса¹¹.

В 1964 г. защищена диссертация М.П. Чуковенковой о Н.К. Крупской как теоретике и практике атеистического воспитания подрастающего поколения. В ней впервые использованы документы из личного фонда Н.К. Крупской в ЦПА ИМЛ, а также опубликованные статьи и рукописи неопубликованных работ. Изучена роль Крупской в организации и развитии системы атеистического воспитания детей и подростков. Подробно рассматривались тезисы обращения к органам народного образования, составленные Н.К. Крупской. Рассмотрена ее роль в составлении и оценке школьных программ 1930 г., рекомендации к составлению школьных учебников, взгляды на то, как нужно проводить антирелигиозное воспитание в курсе учебных дисциплин. Анализировались и методы антирелигиозного воспитания, которые поддерживала Крупская. Автор вводил в научный оборот и ряд данных об обследовании религиозности детей, о кружках юных безбожников, их численности.

Диссертация М.П. Чуковенковой на сегодняшний день остается единственным крупным исследованием, специально посвященным роли Н.К. Крупской в атеистическом воспитании детей и подростков, кстати, до сих пор не опубликованным. Положительные оценки работы системы народного образования и Н.К. Крупской, как не подлежащего критике в советский период авторитета, не дали возможности автору показать, что Крупская до конца 1928 г. сопротивлялась навязыванию школе антирелигиозного воспитания в том виде, в котором оно представлялось воинствующим атеистам¹².

В 1960–1980-е годы вышло немало работ, посвященных истории культурной революции и культурного строительства в СССР. Они подробно проанализированы в историографических работах Л.М. Зак¹³. Несмотря на формирование отдельного направления конкретно-исторических исследований – культурной деятельности, исследуемая проблема или рассматривалась бегло, или не рассматривалась вовсе.

Чтобы полнее воссоздать историографическую ситуацию, обратимся к работам, посвященным истории взаимоотношений Советского государства и Церкви и истории атеизации советских граждан.

Выход таких работ начинается в 1950-е годы. В них осмыслены в духе господствующей методологии теоретические и практические аспекты проблемы. И.Г. Давыдовская в диссертационном исследовании 1958 г. подробно анализировала деятельность Союза воинствующих безбожников, однако обошла вниманием его влияние на изменение ситуации с антирелигиозным воспитанием в школе и, тем более, роль детского безбожного движения¹⁴. Б.Н. Коновалов в аналогичном исследовании 1968 г. упоминает о наличии дискуссии о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании и приводит несколько фактов из нее, в частности о том, что

---

¹¹ Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961. С. 295–296.

¹² См.: Чуковенкова М.П. Н.К. Крупская как теоретик и практик атеистического воспитания подрастающего поколения. Дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук. М., 1964. С. 88–215.

¹³ См.: Зак Л.М. Строительство советской культуры. М., 1981; См., также: Кольцов А.В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928–1932). М., 1960; Андреева М.С. Коммунистическая партия – организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917–1933). М., 1963; Грабарь Т.Ф., Плотникова Е.Ф. Ленинский план культурной революции и его осуществление в СССР (1917–1927). М., 1967; Чуфаров В.Г. Деятельность партийной организации Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937). Свердловск, 1970; Кузнецов М.С. Деятельность дальневосточной краевой партийной организации по осуществлению задач культурной революции (1928–1937). Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Томск. 1973; Куценко И.Я. Революция и культура (Очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918–1932 гг.). Краснодар. 1973 и др.

¹⁴ См.: Давыдовская И.Г. Развитие теории и практики пролетарского атеизма в СССР (1917–1930). Автореф. канд. дисс. философ. наук. М., 1958.

сведения о дискуссии публиковались в периодической печати. Приводятся и ряд данных об обследовании религиозности учащихся и даже об антирелигиозной подготовке учителей¹⁵.

В докторской диссертации Г.М. Воронцова 1970 г. специально оговорено, что «подробное изучение проблем атеистического воспитания в школе... не входит в задачу данного исследования». Далее следует отсылка к диссертации М.П. Чуковенковой¹⁶.

В исследованиях, изучающих в общем плане проблему в 1970–1980-е годы, крайне мало фактического материала. Нет и глубокого анализа роли, которая отводилась антирелигиозному воспитанию в школе в конце 1920-х – начале 1930-х годов¹⁷.

В 1988 г. вышла коллективная монография Института истории СССР АН СССР, охватывающая историю советской культуры в 1928–1941 гг. В разделе, посвященном анализу развития школы в эти годы, в одном абзаце констатируется (без приведения фактических данных), что «значительную роль в формировании духовного облика советского школьника играло антирелигиозное воспитание». Основную работу проводил Союз воинствующих безбожников. Признается, однако, что она носила «поверхностный характер... не вооружала... стойким материалистическим пониманием окружающего мира»¹⁸.

Анализируя в целом советскую историографию проблемы, необходимо отметить, что возможностей не только объективно оценить эту деятельность, но даже ознакомиться с полным комплексом архивных документов (Антирелигиозной комиссии, Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б)), у исследователей не было. В большинстве своем и исследователи истории педагогики, и исследователи истории культурного строительства, и исследователи истории КПСС строили анализ на опубликованных материалах Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, партийных деятелей, возглавлявших Антирелигиозную комиссию ЦК и Союз воинствующих безбожников (Е.М. Ярославского и др.).

Современная историография истории советской культуры, школы и педагогики также крайне фрагментарно и поверхностно касается темы участия школы в антирелигиозном наступлении 1929–1932 гг. Положение не меняется, хотя уже появилась возможность анализировать проблему без оглядки на коммунистическую идеологию. Раскрыты и многие ранее недоступные источники. Но современные исследователи не углубляются в изучение причин, побудивших в конце 1920-х гг. поменять политический курс в отношении антирелигиозного воспитания. Потому поверхностность в этом вопросе (и фактическая, и аналитическая) характеризует и новые, выходящие уже в постсоветский период, исследования.

Главным научным продуктом последних лет стали монографии и диссертационные исследования. Но М.В. Богуславский в работе 1994 г., характеризуя содержание и цели школьных программ Наркомпроса 1927–1929 гг., лишь отмечает, но не конкретизирует имеющийся в них антирелигиозный материал, участие школьников в антирелигиозных кампаниях¹⁹. Мало-

---

¹⁵ Коновалов Б.Н. Проблемы теории и практики атеизма в СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Союза воинствующих безбожников). Дисс. на соискание ученой степени канд. философ. наук. М., 1968. С. 174–181.

¹⁶ Воронцов Г.М. Осуществление Коммунистической партией ленинской программы атеистического воспитания масс (1917–1937). Дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Л., 1970. С. 523.

¹⁷ См., например: Юдин В.Д. Деятельность партийной организации ЦЧО по атеистическому воспитанию населения (1929–1934). Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Воронеж, 1970; Готовский Л.А. Деятельность Коммунистической партии Украины по атеистическому воспитанию трудящихся (1928–1932 гг.). Одесса, 1975; Крашенинников В.А. Деятельность партийных организаций Урала по атеистическому воспитанию трудящихся (1926–1932 гг.). Свердловск, 1980; Эйнгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937). Томск, 1982; Власова О.Е. Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по атеистическому воспитанию трудящихся (1928–1934 гг.). М., 1984; Лившиц Г.М. Очерки по истории атеизма в СССР: 20–30-е гг. Минск, 1985.

¹⁸ Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941. М., 1988. С. 117.

¹⁹ Богуславский М.В. Развитие общего среднего образования: проблемы и решения. Из истории отечественной педагогики 20-х годов XX века. М., 1994. С. 59–62, 82, 160, 170–172.

информативны в этом отношении и диссертации С.П. Клемантовича, Н.С. Майоровой, монография Ю.Г. Саловой и др.²⁰

Многие авторы писали по данной проблематике еще в 1970–1980-е годы. Но и в 1992 г. Н.И. Музафарова в докторской диссертации ограничивается лишь приведением данных о религиозности детей в русских и национальных школах. Р.А. Набиев ограничивается констатацией, что «антирелигиозная работа среди школьников строилась сложно и запутанно». В.А. Алексеев уделяет больше внимания введению новых материалов о деятельности Союза безбожников²¹. О феномене «воинствующего безбожия» в контексте культурной революции написал работу американский исследователь Р. Стайтс²².

Таким образом, большинство отечественных и зарубежных авторов по-прежнему акцентируют внимание на деятельности собственно Союза воинствующих безбожников, обходя его роль в изменении работы школы по атеистическому воспитанию²³.

Исключение составляют исследования Е.С. Ревякина и А.В. Проскуриной, сосредоточивших внимание на анализе локальных проблем (Ивановская область и северо-западная часть России). В их работах находим новые данные и их обобщения в региональных рамках исследования²⁴.

Несмотря на довольно обширную историографию, очевиден явный пробел в изученности темы: не выявлены важные содержательные аспекты, этапы, факторы, воздействующие на изменение политического курса, основные механизмы системы формирования антирелигиозных представлений в школе и др.

Целью данного исследования является анализ деятельности государственных и общественных структур по использованию общеобразовательной школы в наступлении на религию и для формирования у учащихся антирелигиозных представлений во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- изучить причины, предпосылки, состав участников, ход и содержание дискуссии 1927–1928 гг. о переходе от безрелигиозного к антирелигиозному воспитанию в школе;
- выявить и проанализировать оргподготовку к введению антирелигиозного воспитания в школе;

---

²⁰ См.: Клемантович С.П. Эволюция государственной политики в области народного образования в 1920 – 1930-е годы. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2000. С. 105–109; Майорова Н.С. Государство, Церковь, школа и их взаимоотношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Кострома, 2000. С. 239–240; Салова Ю.Г. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы. Ярославль, 2001.

²¹ Музафарова Н.И. Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917–1937 гг. (На материалах Урала). Дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 336; Набиев Р.А. Политика советского государства по отношению к Церкви в 20–30-е гг. (На материалах Поволжья и Приуралья). Дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Казань, 1992. С. 306; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991; он же. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? // Диспут. 1992. № 2. С. 12–23.

²² R. Stites. Revolutionary dreams. N-Y. 1988.

²³ См., например: Желнакова Н.Ю. Государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви в 20–30-е годы. М., 1995; Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20–30-е гг. М., 1997; Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). Волгоград, 1997; Он же. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917 – конец 1920-х гг.). СПб., 1999; Разумов Д.С. Антицерковная политика советской власти 1921–1929 г. (по материалам Верхнего Поволжья). Ярославль, 1997; Киселева Н.В. Добровольные общества в Советской России (1917 – конец 1920-х гг.). Ростов-на-Дону, 1999; Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е гг. М., 2001; Шимон И.Я. ...Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920–1930-е гг.). Дубна, 2002; Luukkanen Arto. The religions policy of the Stalinist state. Helsinki. 1997; Peric Daniel. Storming the heavens: The Soviet League of militant Godless. Ithaca, 1998 и др.

²⁴ Ревякин Е.С. Политика государственных, партийных и общественных организаций в отношении религии и Церкви в 1929–1936 гг. (По материалам Ивановской промышленной области). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Иваново, 1995. С. 235–249; Проскурина А.В. Политика советской власти в отношении религии и Церкви в деревне Северо-запада России в конце 1920-х – 1930-х гг. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Псков, 2002. С. 14–15.

- охарактеризовать механизм взаимодействия государственных и общественных структур в привлечении школы к антирелигиозному наступлению;
- осветить деятельность детского безбожного движения в 1929 – 1932 гг.;
- изучить изменения в содержании учебных программ и учебников как важнейшем средстве воздействия государственной идеологической машины на сознание учащихся;
- осветить реакцию населения на проведение антирелигиозного воспитания в школе.

Источниковая база исследования обеспечивается опубликованными и неопубликованными документами.

Опубликованные источники представляют обширный массив, который можно по ряду критериев разделить на следующие основные группы.

Во-первых, по их происхождению, уровню правомочий органов, которые их создавали:

- документы ВКП(б) и советского правительства;
- документы республиканских, областных, губернских, окружных и районных государственных органов управления народным образованием;
- документы общественных (профсоюзных, комсомольских, пионерских) организаций разного уровня – центрального и местного, а также Союза безбожников (с 1929 г. – воинствующих) (СБ, СВБ);
- документы всероссийских и местных съездов, совещаний, конференций преподавателей различных учебных предметов: естествознания, обществоведения, литературы и др.

Во-вторых, по месту их публикации:

– в центральных партийных, государственных, комсомольских, пионерских, органах периодической печати; специальной периодике СБ (СВБ) в 1927–1932 гг. Были изучены следующие партийные издания, издаваемые в центре: газета «Правда», журналы «Коммунистическая революция», «Революция и культура». Из комсомольских и пионерских изданий изучены газета «Комсомольская правда» и «Пионерская правда», журналы «Юный коммунист», «Вождь». Из профсоюзных газет, в первую очередь, наиболее важным источником стала «Учительская газета» (с 1930 г. «За коммунистическое просвещение»), а также журналы «Работник просвещения», «Народный учитель», «Просвещение национальностей». Ведомственные издания представлены журналами Наркомпроса РСФСР и его структур. Изучены журналы: «На путях к новой школе» (орган научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУС)), «Методический путеводитель» (с 1929 г. разделился на «Методический путеводитель для фабрично-заводской и городской школы» и на «Методический путеводитель для сельской школы»), «Обществоведение в трудовой школе» (с 1931 г. «Обществоведение в советской школе»), «Естествознание в трудовой школе», «Физика, химия, математика в трудовой школе» (с 1931 г. «Физика, химия, математика в советской школе»), «Русский язык в советской школе»;

– в ведомственных республиканских, областных, губернских, окружных и районных органах периодической печати. Из таких изданий изучены журналы: «Вестник просвещения», «За коммунистическое воспитание» (МОНО), «Просвещение» (Ленинградского облоно), «Ежемесячник Северо-Двинского губоно», «Просвещение Ивановской области» (Ивановского губоно), «Просвещение и жизнь» (Наркомпроса Татарской АССР), «Просвещение Среднего Поволжья», «Методический путеводитель для работников массовых школ» (Средневожского крайоно), «Нижневожский просвещенец» (Нижневожского крайоно, с 1930 г. переименован в «На культурном фронте»), «Школа и жизнь», «Нижегородский просвещенец» (Нижегородского губоно и губпроса), «Вопросы просвещения на Северном Кавказе» (с 1930 г. «За социалистическую культуру» Северокавказского крайоно), «Просвещение на Урале» и «Просвещение Сибири». Конечно, изучить все местные периодические издания не представляется возможным, но автор стремился к такой их локальной выборке, чтобы по ее данным представить ситуацию как в стране в целом, так и в тех регионах, в которых проживало большинство

населения и находилось большинство учебных заведений. Таким образом, впервые предпринята попытка включения данных о деятельности местных органов управления народным образованием в регионах севера, северо-запада, центра, юга и востока страны, появилась возможность сравнительной их характеристики и оценки.

Из специальной периодики СБ (СВБ) СССР изучены газета «Безбожник», отдельное издание с 1931 г. по 1934 г. газеты «Безбожник» специально для школ, журналы «Антирелигиозник», «Безбожник», «Юные безбожники» (издаваемый совместно с ЦК ВЛКСМ и Наркомпросом РСФСР).

Опубликованные документы ВКП(б) и советского правительства составляют, в свою очередь, несколько видов источников. Это постановления ЦК ВКП(б), стенограммы партийных съездов, повестки дня заседаний Политбюро ЦК, доклады и отчеты высшего партийного руководства, декреты и постановления Совнаркома СССР и РСФСР. В них сосредоточена информация о содержании политики в отношении целей развития системы народного образования, религии и Церкви, взаимодействия государственных и общественных органов в реализации политики антирелигиозного воспитания.

Опубликованные документы республиканских, областных, губернских, окружных и районных органов государственного управления народным образованием также разнообразны по своему видовому составу. Это – постановления Наркомпроса РСФСР, наркомпросов других союзных и автономных республик и отделов народного образования (губернских, областных, окружных, районных), их коллегий; постановления и решения главных управлений Наркомпроса РСФСР – Главсоцвоса, научно-педагогической секции ГУСа; доклады, докладные записки, отчеты руководящих работников народным образованием разных уровней; директивные письма, инструкции, методические письма и другие информационные материалы вышестоящих органов управления нижестоящим, школьные программы, их варианты, школьные учебники, статьи руководителей разного уровня органами управления народным образованием. Основополагающими в данном случае являются постановления Коммунистической партии и нормативные документы Советского государства. Они отражают политический процесс «вскрытия недостатков и упущений». Партийно-правительственные документы эпизодически воспроизводят те или иные детали негативного свойства, «мешающие» эффективному проведению партийной линии.

Опубликованные документы общественных (профсоюзных, комсомольских, пионерских) организаций разного уровня – центрального и местного – представлены следующими видами: постановлениями и решениями президиумов и исполнительных комитетов ЦК работников просвещения, Бюро ЦК ВЛКСМ, ЦБ детских коммунистических организаций юных пионеров, стенограммами и резолюциями, наказами всесоюзных и других уровней съездов, конференций, слетов, совещаний, докладами их исполнительных органов в партийные инстанции и органы государственного управления народным образованием, инструктивными письмами и методическими материалами, статьями руководителей и активистов. В этой группе особое место занимают документы Центрального совета СВБ СССР и его местных органов. Это – уставы и проекты уставов, стенограммы и резолюции съездов, инструкции местным органам, отчеты и доклады руководства Союза ЦК ВКП(б), методические письма, информационные материалы и даже художественные материалы агитационно-пропагандистского характера.

Из документов всероссийских и местных съездов, совещаний, конференций преподавателей различных учебных дисциплин: естествознания, обществоведения, литературы и др., важны стенограммы обсуждений содержания антирелигиозного материала, оценки его и методов введения в учебные дисциплины.

Особую ценность для исследования представили школьные программы и школьные учебники Наркомпроса РСФСР, сравнительный анализ содержания которых по годам позволяет воссоздать требования к ним относительно изменения содержания, помещение в них антире-

лигиозного материала и практику реализации этих требований, установить качество учебного материала. Не менее интересны местные (от республиканского до районного уровня) школьные программы и учебники. Сравнительный анализ их содержания дает возможность проследить ход их изменений по годам, практику введения в общеобразовательный процесс.

Важные данные содержатся в опубликованных выступлениях, статьях, брошюрах, сборниках статей, отдельных книгах партийных, государственных и общественных деятелей. В них излагаются политические мотивы и цели изучаемой проблемы, содержание их претензий друг к другу, или одной общественной или государственной структуры к другой. В исследовании использованы работы И.В. Сталина; руководителей Наркомпроса РСФСР – А.В. Луначарского, А.С. Бубнова, Н.К. Крупской, М.С. Эпштейна; педагогов-теоретиков, работавших в разных структурах Наркомпроса, – П.П. Блонского, С.Т. Шацкого, А.П. Пинкевича, В.Н. Шульгина, М.В. Крупениной, М.М. Пистрака; руководителей профсоюза учителей – А.А. Коростелева, комсомола – А.В. Косарева, А.А. Северьяновой, СБ (СВБ) – Е.М. Ярославского, Ф.Н. Олещука, М.С. Кобецкого, И.А. Флерова, Н.К. Амосова и др.

Отдельно выделим статьи руководителей разного уровня, активистов введения антирелигиозного воспитания, рядовых учителей в центральной и местной печати. В них важны свидетельства как идеологической и политической направленности, так и оценки практической стороны процесса, позволяющие выявить, преимущественно в 1927–1928 гг., наличие альтернативных позиций. Опубликованные в изданиях местных органов управления народным образованием, они содержат ценные сведения, свидетельствующие о том, что практика на местах не являлась полным отражением тех процессов, которые планировались в центре.

В целом опубликованные документы позволяют воссоздать основные черты политики и практики замены безрелигиозного воспитания антирелигиозным. Вместе с тем периодическая советская и партийная печать, как центральная, так и местная, не дает достаточно объективной информации в силу пропагандистской направленности. Она используется преимущественно для иллюстрации доктринальных установок и практических шагов руководства образовательным процессом, а не ее результатов, которые, как правило, были куда более скромными.

Большая часть неопубликованных документов впервые вводится в научный оборот. Для выявления архивных документов изучены фонды Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Наиболее ценными и наименее введенными в научный оборот явились документы фонда ЦК КПСС, его Оргбюро, Секретариата, Агитационно-пропагандистского отдела, Антирелигиозной комиссии ЦК (ф. 17). Из ставших доступными наиболее важны следующие виды документов: постановления, стенограммы, протоколы заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), доклады, планы, отчеты, подготовленные к заседаниям, директивные письма ЦК, служебная переписка, письма граждан в ЦК. Помимо этих документов в фонде ЦК отложились аналогичные виды документов Бюро и Секретариата ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса РСФСР и ЦС СВБ СССР, направляемые в ЦК ВКП(б). Эти документы позволяют раскрыть механизм принятия партийных решений, установить взаимодействие общественных и государственных органов, реализацию решений и контроль над их исполнением. Отметим и то, что часть фонда остается на секретном хранении. Для получения необходимых сведений предпринято выявление документов в других архивах. Например, важнейшее циркулярное письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» выявлено в фонде Комиссии по делам культур при Президиуме ВЦИК в ГАРФ. Аналогичным образом уточнялся по документам фонда Совнаркома РСФСР процесс законодательного оформления постановлений ЦК, например, о включении работников по антирелигиозной пропаганде в штаты отделов народного образования.

Важнейшим источником стали документы фондов Наркомпроса РСФСР (ф. 2306), его Главного управления социального воспитания и политехнического образования (ф. 1575), особенно школьного отдела, различных комиссий Главсоцвоса: по книге, по учебникам, по нацменкниге, а также школьной и научно-педагогической секций Государственного ученого совета (ГУСа) (ф. 298), хранящиеся в ГАРФ. Из использованных видов документов назовем постановления коллегии Наркомпроса, протоколы заседаний коллегии Наркомпроса, совещаний инспекторов школьного отдела Главсоцвоса, тезисы докладов, доклады и отчеты инспекторов Главсоцвоса и организационно-планового управления (ОПУ) Наркомпроса. Отметим информативность отчетов инспекторов ОПУ, позволивших установить реальное положение с антирелигиозным воспитанием в школе. Важная информация, свидетельствующая о препятствиях в выработке общей позиции, содержится в проектах информационных и методических писем и в рецензиях на них сотрудников Главсоцвоса и его комиссий. Из содержания этих документов использовались данные об указаниях центрального аппарата, что позволило выявить как реакцию на них, так и ход их исполнения местными органами. Неопубликованные стенограммы всероссийских и местных съездов, конференций, совещаний преподавателей естествознания, обществоведения, других учебных дисциплин позволили дифференцировать отношение учителей и авторов программ и учебников к наполнению содержания учебного материала антирелигиозным материалом.

Важнейшим и крайне интересным видом документов для исследования является служебная переписка различных структур центрального аппарата Наркомпроса между собой, так и с ЦК ВКП(б), различными общественными организациями, в том числе с ЦС СВБ, с органами народного образования разных уровней, с авторами учебных программ и учебников. Из нее автор черпал оценки как организационной стороны работы всей системы, взаимодействия ее составных частей, так и стороны содержательной: отношений и оценок инструктивных, методических писем, переработанных программ и учебников, т. е. учебных материалов, наполняемых антирелигиозным содержанием.

Исследован фонд Центрального совета СВБ СССР и редакции газеты «Безбожник» (ГАРФ, ф. 5407). В нем отражена деятельность этой общественной организации. Сохранились стенограммы съездов, пленумов, конференций СВБ, протоколы заседаний рабочего президиума и исполбюро ЦС СВБ и его местных органов, положения, инструкции, планы, доклады, отчеты, директивные и информационные письма, письма, статьи и заметки, присланные в редакцию газеты «Безбожник». Особо ценными стали письма граждан, в том числе и педагогов, поддерживающих курс на антирелигиозное воспитание.

Богатейший материал хранится в личных фондах Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, Е.М. Ярославского в РГАСПИ.

В личном фонде Н.К. Крупской (ф. 12) сохранились документы научно-педагогической секции ГУСа (которую она возглавляла), отсутствующие в самом фонде ГУСа. В частности, в личном фонде Крупской хранится стенограмма пленума научно-педагогической секции 1931 г., на котором обсуждался проект программ для начальной школы. В фонде хранятся другие важные документы, отражающие роль и Крупской, и школьной секции ГУСа: стенограммы заседаний, отчеты, доклады инспекторов, в том числе и Главполитпросвета (который также возглавляла Крупская), наконец, директивные письма, ею подписанные, а также проекты школьных программ с ее замечаниями и пометками. Крайне важны переписка Крупской с партийно-государственными деятелями, известными педагогами-теоретиками (С.Т. Шацким, В.Н. Шульгиным и др.), рукописи ее статей и выступлений.

Не менее содержательным является личный фонд наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского (ф. 142 в РГАСПИ). В нем также сохранились документы, направленные наркому, но отсутствующие в фонде Наркомпроса и его структурных частей, такие как отчеты и доклады заместителя наркома В.Н. Яковлевой, председателя Главсоцвоса М.С. Эпштейна,

председателя ЦК Рабпрос А.К. Аболина, других деятелей профсоюза учителей. Важны тезисы доклада Луначарского к выступлению на XIV Всероссийском съезде советов, его доклады на конференции преподавателей естествознания и на II съезде СВБ СССР, переписка с партийно-государственными деятелями: В.Н. Яковлевой, К.А. Поповым, А.Я. Вышинским и др., рукописи статей наркома просвещения.

В личном фонде председателя Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), председателя СВБ СССР Е.М. Ярославского (РГАСПИ, ф. 89) отложились документы, отражающие роль ЦК в продвижении нового курса в антирелигиозном воспитании. Здесь хранятся проекты постановлений Политбюро ЦК, выписки из протоколов его заседаний с оценкой хода и содержания работы как СВБ, так и Антирелигиозной комиссии, служебная переписка Ярославского с Политбюро, с И.В. Сталиным, А.В. Луначарским, его доклады на заседаниях Оргбюро ЦК. Весьма содержательны доклады Ярославского на учительских конференциях, съездах СВБ, рукописи статей с авторской правкой.

Особую группу документов в личных фондах составляют письма граждан наркому Луначарскому, Крупской, Ярославскому. Отметим, что письма к Крупской выделены в особый фонд (ГАРФ. ф. 7279). В них отражено отношение родителей и учителей к проведению антирелигиозного воспитания. Особо негативную реакцию на него содержат письма к Луначарскому в ответ на его статью «Антирелигиозная борьба в школе» («Известия», 26 марта 1929 г.).

Документы личных фондов дают возможность установить личную роль каждого в продвижении антирелигиозного воспитания в школе, позицию на разных этапах процесса, мотивы и аргументы.

Исследованный корпус документов в целом достаточно обширен и разнообразен, репрезентативен, представляет возможность воссоздать весь арсенал сил и средств, направленных на реализацию антирелигиозного воспитания в школе, выстроенную систему их взаимодействия, конкретных участников этого процесса.

Монография состоит из введения, шести глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Огромная благодарность за ценные рекомендации и предоставленные материалы доктору исторических наук, профессору Тамаре Юсуфовне Красовицкой.

Глава I. Дискуссия 1927–1928 гг. о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании в школе

Исторические условия и предпосылки дискуссии

...кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.

Мф. 18:6

Большевики изначально стремились использовать общеобразовательную школу как базу для пропаганды собственной идеологии²⁵. В программе РКП(б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г., декларировалась главная задача партии: превратить школу «в орудие коммунистического перерождения общества»²⁶. В представлении большевиков к концу 1920-х годов было накоплено достаточно идеологических ресурсов для построения социалистического общества. Основная ставка делалась на подрастающее поколение.

Общеобразовательная школа должна была сыграть одну из основных ролей в воспитании молодых людей в духе строительства нового счастливого общества, что, вместе с тем, предполагало и воспитание в духе борьбы со всеми препятствующими этому строительству факторами.

Религия, говорившая о небесном, противоречила планам построения земного рая и являлась, с точки зрения коммунистической идеологии, одним из основных препятствий для развития социалистического общества. Именно поэтому Коммунистическая партия на рубеже 1920–1930-х годов встала на путь бескомпромиссной борьбы с религией. Эта борьба предполагала, помимо репрессивных действий, наступательную атеистическую пропаганду, объектом которой стали, прежде всего, дети и подростки. Переход общеобразовательной школы от безрелигиозного к антирелигиозному воспитанию был призван не только обеспечить формирование у школьников стойкого атеистического мировоззрения, но и способствовать вовлечению их в практическую борьбу с религией.

Что же подразумевалось под понятиями «безрелигиозное» и «антирелигиозное» воспитание в условиях советской действительности конца 1920-х годов применительно к общеобразовательной школе? Под безрелигиозным воспитанием в школе понималось, прежде всего, материалистическое естественно-научное просвещение, одной из задач которого являлось формирование атеистического мировоззрения у школьников. Антирелигиозное воспитание предполагало вовлечение школы в активную борьбу с религией и Церковью и было призвано пробудить в учащихся резко негативное отношение к вере. По словам видного деятеля русской эмиграции профессора В.В. Зеньковского, если безрелигиозная позиция отрицает существование Бога, «тогда она неизбежно перейдет в борьбу с «предрассудком» религии»²⁷. Большевики, временно допуская безрелигиозное состояние, не исключали при благоприятных обстоятельствах возможность направить школу на активную борьбу с религией.

---

²⁵ Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 годы. М., 2002. С. 27.

²⁶ Народное образование в СССР. Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 18 (далее: Народное образование в СССР).

²⁷ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993. С. 15.

Дискуссия 1927–1928 годов о необходимости замены в школе безрелигиозного воспитания антирелигиозным возникла не на пустом месте. Советская власть создала необходимые предпосылки и условия для ее проведения.

11 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров (СНК РСФСР) принял внесенное народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению». Согласно постановлению все церковно-приходские школы передавались в ведение государства²⁸. По декрету СНК РСФСР от 20 января 1918 г., школа отделялась от церкви. Преподавание различных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы, запрещалось. Теперь граждане могли обучать и обучаться религии только частным образом²⁹.

Постановление Государственной комиссии по просвещению от 18 февраля 1918 г. «О светской школе», определяя «религию делом совести каждого отдельного человека», объявляло государство нейтральным, т. е. не становящимся на сторону того или иного вероисповедания. В этом же постановлении отмечалось, что «государство не может брать на себя религиозное воспитание детей»³⁰.

Запрет преподавания Закона Божия в школе вызвал протесты разных социальных слоев. «Многие из родителей продолжают настаивать на том, чтобы преподавание “Закона Божьего” было допущено в школе для желающих в качестве необязательного предмета», – писал в 1920 г. Е.А. Преображенский в статье, подготовленной для «Азбуки коммунизма»³¹.

В 1919 г. в партийно-просвещенческих кругах появился проект, согласно которому разрешалось преподавание Закона Божия во внеурочное время. Эта мера должна была умиротворить крестьянство, недовольное его отсутствием в школе. Против проекта активно выступила Н.К. Крупская, написавшая специальное письмо в ЦК РКП(б). «Разрешение доступа попам в школу дает попам известную государственную санкцию, что укрепит их влияние», – уверяла она³². Вместе с тем, Н.К. Крупская предлагала охладить пыл неистовых антирелигиозников, провоцировавших конфликты на местах. «Тон задает “Беднота”, “Коммунар”, Демьян Бедный, – отмечала она в том же письме, – а на местах усердствуют: запрещают детям ходить в церковь, срывают с них кресты, издеваются всячески над попами, вообще бесчинствуют. Вот это надо запретить, а не разрешать попам учить в школах»³³.

Закон Божий так и не допустили в школу, но агрессивная антирелигиозная пропаганда только усилилась. На фоне проводившегося Советским государством изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. комсомольцы предприняли попытки проводить т. н. «комсомольское рождество» и «комсомольскую пасху». Уличные антирелигиозные шествия и карнавалы комсомольцев могли только напугать и вызвать отвращение верующих, да и просто нравственных людей. Неоднозначную реакцию вызвали эти кампании комсомола в руководстве РКП(б), в том числе и у В.И. Ленина. «Я помню, как я пришла к Владимиру Ильичу, – вспоминала Н.К. Крупская, – и говорила, что мы отпустили столько-то тысяч на комсомольское рождество. Он говорит: “А какое вы имели право? Хотя антирелигиозная пропаганда – это хорошая мысль, но деньги-то советские и расходовать их нужно по-советски”»³⁴.

²⁸ Народное образование в СССР. С. 12.

²⁹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 18. Ст. 263. С. 273.

³⁰ Народное образование в СССР. С. 132.

³¹ Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. Сб. статей и материалов. / Сост. А. Волков. М., 1925. С. 26 (далее: Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах).

³² РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 133. Л. 3.

³³ Там же. Лл. 3–4.

³⁴ Крупская Н.К. Из атеистического наследия. М., 1964. С. 184.

Но «допускаемые» для улицы и для клубов формы агитационной работы комсомольцев и пионеров скептически воспринимались органами руководства народным образованием. В статье «О коммунистическом образовании и воспитании в школе» (Бюллетень Отдела народного просвещения Москвы, 1921, № 4) говорилось о необходимости постановки в школе антирелигиозной пропаганды. Однако отмечалось, что «необходимо при этом быть очень чутким к психологии учащихся, дабы не допустить обратных результатов»³⁵.

Несмотря на осторожность органов просвещения в религиозном вопросе, первый вариант школьных программ, подготовленный Государственным ученым советом (ГУС) в 1924 г., помимо материалистического естественнонаучного просвещения заострял внимание на социальной роли религии и предполагал ведение школой антирелигиозной пропаганды. В программе помимо специальной комплексной темы «Небо и Земля», подчеркивающей противоречия между научным и религиозным объяснением мира, содержались подтемы, преследующие цель показать социальную роль религии и Церкви с точки зрения классового сознания: «Освобождение от эксплуатации и религиозного рабства. Антирелигиозность рабочего класса. Обман народа через школу, печать, религию в буржуазных государствах. Роль духовенства (эксплуатация трудящихся, распространение предрассудков и суеверий)...»³⁶.

Вопрос об усилении в школе антирелигиозной пропаганды ставился в середине 1920-х годов некоторыми педагогами, но особого резонанса ни в учительской, ни, тем более, в широкой общественной среде не приобрел.

«Помню, на одной из учительских конференций в 1925 г., – вспоминал учитель из деревни Челдак Омской губернии, – я предложил внести в повестку дня вопрос о методах антирелигиозной пропаганды. Конференция большинством голосов отклонила это предложение как ненужное, а один из участников конференции даже сказал, что если мы это возьмем на себя, что же будет делать тов. Ярославский?»³⁷. В том же 1925 г. на имя Е.М. Ярославского пришло письмо просвещенца из Ленинграда, который ставил вопрос о «системе антирелигиозного воспитания в школе». Этот вопрос, писал он, «становится непосредственной очередной задачей, которая требует своего разрешения или, по крайней мере, принципиального освещения и обоснования». Этот педагог указывал на отсутствие партийных директив по проведению антирелигиозной работы в школе, на неразрешенность этого вопроса Ленинградским губернским отделом народного образования (ЛОНО), на отсутствие кадров педагогов-антирелигиозников³⁸.

Несмотря на прямое указание первого варианта программ ГУСа вести антирелигиозную пропаганду в школе, большинство учителей игнорировало эту работу либо по той причине, что были верующими, либо не зная, как лучше подать этот материал. «Убежденных учителей-атеистов очень мало», – признавали педагоги-антирелигиозники³⁹. Но там, где работал убежденный педагог-атеист или значительное влияние на школьников оказывала пионерская организация, антирелигиозная пропаганда велась и иногда приводила к конфликтам между школьниками и учителями. Ученик одной из железнодорожных школ, увидев в церкви преподавательницу, рассказал об этом в классе. Учащиеся этого класса, связанные с отрядом пионеров, выразили свое неудовольствие учительнице на уроке. Та, в свою очередь, назвала сообщившего об этом ученика «шпионом», вызвала его мать. В результате «мать избивала сына до крови»⁴⁰.

³⁵ Цит. по: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961. С. 283–284 (далее: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Указ. соч.).

³⁶ Шульгин В.Н. О программах // Революция и культура. 1929. № 9–10. С. 33.

³⁷ Учительская газета. 1927. № 44. С. 2.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 156. Л. 31.

³⁹ Лазаревич-Игнатьев Е.П. Практика антирелигиозного воспитания // Просвещение на транспорте. 1924. № 8. С. 49.

⁴⁰ Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. С. 210–211.

Такие факты заставляли руководство Наркомпроса осторожно подходить к антирелигиозной работе в школе и несколько смягчать акценты в своих рекомендациях. «Ко времени второй половины 1925 г. стали раздаваться усиленные жалобы на формы проведения антирелигиозной пропаганды в школе, – писала Н.К. Крупская в 1929 г. – Наркомпросу была дана определенная директива в этом направлении»⁴¹. Вместо антирелигиозного воспитания стали употреблять термин «безрелигиозное воспитание». «Помнится, под влиянием необходимости покончить со всякой религией, изъять из обращения всякие сравнения социализма с религией и был кем-то пущен в ход термин “безрелигиозное воспитание”», – вспоминала Н.К. Крупская в другой статье⁴².

А.В. Луначарский, выступая 3 апреля 1929 г. в Академии коммунистического воспитания, свидетельствовал, что установка на «безрелигиозную» школу была дана еще В.И. Лениным. «Владимир Ильич, – вспоминал Луначарский, – предостерегал Наркомпрос против того, чтобы он преждевременно не ставил вопроса об активном проведении атеизма через школу, и указывал нам причины, по которым этого делать не следует»⁴³. Одновременно с этим Ленин настаивал на удалении из школ религиозной символики: крестов, икон и т. д. И, как отмечал Луначарский, это удалось осуществить с большим трудом, уладив происходившие на этой почве конфликты с родителями и учителями⁴⁴.

Одной из главных причин осторожного подхода к антирелигиозной работе в школе, которую называл В.И. Ленин⁴⁵, являлась религиозность массового учительства. Выступая на I съезде Союза безбожников (СБ) в апреле 1925 г., А.В. Луначарский разъяснял позицию власти по отношению к верующим учителям: «Никакого гонения на религиозных учителей или устранения их от работы нельзя допускать, за исключением тех случаев, когда учитель в свою школьную работу вносит свои религиозные предрассудки. Если он это делает, то мы его немедленно устраняем. Но его личных религиозных воззрений мы касаться не можем, и те некоторые начатки борьбы с личными религиозными воззрениями учителей, которые были, мы пресекли, так как они привели к чрезвычайно неблагоприятным результатам. Мы имели ряд явлений, когда по устранению такого учителя, с приездом нового крестьяне забирали из школ своих детей»⁴⁶.

Осторожностью в религиозном вопросе можно объяснить выпуск научно-педагогической секцией ГУСа методического письма «О безрелигиозном воспитании в школе I ступени». Автор письма А.Л. Катанская писала, что «никакого особенного внедрения антирелигиозности в душу ребенка совершенно не нужно»⁴⁷. «Метод воинствующего безбожия должен быть совершенно устранен, – отмечала Катанская, – надо отказаться от насмешек и издевательств над верой своих отцов... где сами верующие являются жертвами темноты и эксплуатации, которым мы должны помочь убеждением, а не принуждением»⁴⁸. И далее: «Воинствующее безбожие очень часто дает противоположные результаты, озлобляя искренно верующих, а у слабых и неустойчивых создавая раздвоение: показное безбожие и угодливость, с одной стороны, и внутреннюю, скрытую религиозность, с другой»⁴⁹. А.Л. Катанская делала вывод, что чем

⁴¹ Крупская Н.К. Антирелигиозное воспитание в школе при советской власти // На путях к новой школе. 1929. № 1. С. 15.

⁴² Она же. Об антирелигиозном воспитании в школе // Революция и культура. 1928. № 15. С. 26.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Луначарский А.В. Почему нельзя верить в Бога? Избранные атеистические произведения. М., 1965. С. 290.

⁴⁷ Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 3.

⁴⁸ Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 8.

⁴⁹ Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 8.

«объективнее, спокойнее и научно обоснованнее будет антирелигиозная работа, тем глубже и прочнее будут ее результаты»⁵⁰.

Но она же, автор методического письма, рекомендовала методы, ничем не отличавшиеся от метода «воинствующего безбожия». Например, устройство под Пасху, во время заутрени, в школе суда над Библией и над праздниками, с приглашением на это мероприятие пожилых крестьян⁵¹. И отчасти права была Н.К. Крупская, писавшая в статье «Об антирелигиозном воспитании в школе» в 1928 г., что «тот, кто прочел не только заглавие письма Катанской, но и самое письмо, знает, что там идет речь не о нейтральном в отношении к религии воспитании, а о самой заправской антирелигиозной пропаганде, о внедрении в школу атеизма»⁵².

Тем не менее второй вариант программы ГУСа, подготовленный в 1926–1927 гг., воспринимался частью просвещенческой общественности как следствие установки Наркомпроса РСФСР на «безрелигиозную школу». «Если в первом варианте сильно подчеркивалась борьба за мировоззрение и слабо борьба за навыки, – писал директор Института методов школьной работы В.Н. Шульгин, принимавший активное участие в разработке второго варианта⁵³, – то во втором чрезмерно подчеркивалась борьба за навыки и отодвигалась борьба за мировоззрение»⁵⁴. Другой известный педагог М.В. Крупенина в статье «Программы ГУСа в свете воспитательных задач школы» отмечала: «В самом деле, если первый вариант был перегружен обществоведческим и природоведческим материалом, то второй вариант, “облегчая” школу и учителя, чрезвычайно затруднял ему антирелигиозную работу снятием, например, комплекса “Небо и Земля”»⁵⁵.

Программы ГУСа 1927 г. представляли так называемую комплексную систему. Во введении к программам комплексная система определялась следующим образом: «Когда в программе говорится о комплексной системе преподавания, то имеется в виду отражение связей между основными жизненными явлениями (природа, труд, общество). Понимание этих связей является сутью образовательной работы»⁵⁶. Программы, представлявшие явления в их взаимосвязи, ставили целью сформировать у школьников материалистическое миропонимание⁵⁷. Большое значение отводилось естествознанию. В методической записке по природоведению приводились слова Н.К. Крупской: «В деле разрушения всяких предрассудков, суеверий и религиозности в том числе, ничто так радикально не действует, как привычка добираться до причин явлений. Если мы всерьез хотим вести антирелигиозную пропаганду, мы должны поставить на должную высоту преподавание естествознания»⁵⁸.

Для I ступени (1–4 группы) программы представляли сплошной комплекс, не выделяя отдельные предметы. В программе для третьего года обучения подтемы «Быт деревни и ее организация» (сельский вариант) и «Культурная жизнь города» (городской вариант) касались вопроса «борьбы со старым семейным укладом, с религиозными предрассудками, с суевериями»⁵⁹. Акцентируя особенно «вредное влияние религии на здоровье»⁶⁰, программа призывала уделить внимание борьбе с «религиозными предрассудками» на материале подтемы «Охрана

---

⁵⁰ Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 8.

⁵¹ Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 10–11.

⁵² Крупская Н.К. Указ. соч. // Революция и культура. 1928. № 15. С. 22.

⁵³ Эпштейн М.С. Теоретические упражнения тов. Шульгина // Работник просвещения. 1929. № 20. С. 4.

⁵⁴ Шульгин В.Н. О программах // Революция и культура. 1929. № 9–10. С. 32.

⁵⁵ Крупенина М.В. Указ. соч. // Коммунистическая революция. 1929. № 1. С. 33.

⁵⁶ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 11.

⁵⁷ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1928. Вып. 2. С. 63.

⁵⁸ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 62.

⁵⁹ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 40, 102.

⁶⁰ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 41.

здоровья в семье в городе»⁶¹. При проработке подтемы «Земля как шар и понятие о климате» на четвертом году обучения рекомендовалось для большего эмоционального воздействия рассказать «о мучениках за науку» (Джордано Бруно, Галилей)⁶².

В программе по обществоведению (1-й концентр городской школы II ступени) на пятом году обучения предлагалось при сравнении жизни деревни до революции и после отметить верность Церкви царю и помещикам⁶³. Программа по литературе на пятом году обучения включала изучение басен Демьяна Бедного «Свеча», «В церкви», «Христос Воскресе»⁶⁴. На проработку этих басен отводилось две недели⁶⁵.

Программа по естествознанию для второго концентра повышенной школы (8–9 группы) большое внимание уделяла эволюционной теории как научной основы проведения антирелигиозной пропаганды. В объяснительной записке к теме «Происхождение живых существ на земле», в частности, указывалось: «Два альтернативных объяснения противостоят здесь друг другу: религиозное и научное. Первое основано на вере, второе – на наблюдении (в широком смысле) конкретных фактов и явлений». Подчеркивалось при этом, что «здесь для учителя весьма удобный случай для проведения антирелигиозной пропаганды»⁶⁶.

Эволюционное учение Ч. Дарвина являлось научным базисом всей программы по естествознанию второго концентра. В заключении делался следующий концептуальный вывод: «Объяснив эволюцию строго механистически (материалистически), дарвинизм тем самым освобождает человека от цепей рабской веры в бога, являющейся тормозом не только для науки, но и для построения новой жизни вообще»⁶⁷.

Локальные программы и программы для национальных меньшинств ориентировались на программы ГУСа. В них также говорилось о формировании целостного материалистического мировоззрения у детей, содержалось указание бороться с «религиозными предрассудками», отмечалось «вредное влияние» религии на здоровье⁶⁸. Таким образом, программы ГУСа 1927 г., делая акцент на материалистическом объяснении мира, крайне мало касались социальной роли религии и не ставили прямую задачу воспитывать активного борца с Церковью и религией в целом.

Представляет интерес отношение к вопросу атеистического воспитания активных атеистов. И.И. Скворцов-Степанов в статье 1923 года «Религия в школе» констатировал, что «в школе не приходится вести антирелигиозную агитацию». Но все же «антирелигиозная пропаганда должна занять в ней видное место»⁶⁹. Под агитацией Скворцов-Степанов понимал «ряд действий, рассчитанных на то, чтобы вызвать более или менее широкое возбуждение, приковать внимание к тому или иному предмету, свернуть массы с наезженной колеи, произвести известную встряску, заронить “искру”, которая должна “разгореться в пламя”»⁷⁰. И поэтому, по Скворцову-Степанову, «школа – не место для антирелигиозной агитации», но «волны антирелигиозной кампании, как и всяких агитационных кампаний, будут докатываться до нее»⁷¹. Под пропагандой, которую, в отличие от агитации, как он считал, нужно вести в

⁶¹ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 91.

⁶² Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 121.

⁶³ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 3. С. 39.

⁶⁴ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 3. С. 73.

⁶⁵ Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 3. С. 80.

⁶⁶ Программы и методические записки... Вып. 5. С. 91.

⁶⁷ Программы и методические записки... Вып. 5. С. 95.

⁶⁸ См., например: Комплексные программы для трудовой школы I ступени Автономной Калмыцкой области. Астрахань, 1928. С. 104, 134, 136, 137–138.

⁶⁹ Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. С. 55.

⁷⁰ Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. С. 55.

⁷¹ Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. С. 59.

школе, Скворцов-Степанов понимал «углубленное объяснение тех явлений, к которым привлечено внимание агитацией»⁷². Он писал: «Мы, коммунисты, ставим вопрос прямо: всякий, кто хочет закупорить школу от доступа антирелигиозной пропаганды, должен изгнать из нее все начатки современной физики, химии, астрономии, биологии или заменить их средневековой метафизикой»⁷³. Другой антирелигиозный автор назвал такую позицию Скворцова-Степанова «невольной ошибкой», отметив, что «когда тов. Степанов предлагает ограничиться в школе одной антирелигиозной пропагандой и сомневается в целесообразности агитационных кампаний, он этим самым дает карты в руки... “старинным педагогам”»⁷⁴.

Атеистические авторы допускали противоречивые высказывания и часто путались в терминах. С одной стороны, например, Я.М. Глан и А.Т. Кононов как будто соглашались с А.Л. Катанской, что «ни о каком специальном “внедрении” безбожия в детское сознание говорить не приходится. Вдалбливать в детскую голову безбожный катехизис, навязывать детям неверие, объявить поход на Бога, церковь и обряды на первых ступенях школьного воспитания было бы нелепо педагогически и неразумно политически»⁷⁵. Но немного ниже авторы настаивали: «В нашей конкретной обстановке безрелигиозное воспитание неминуемо должно превратиться в противорелигиозное»⁷⁶.

Активист Союза безбожников Ф.Н. Олещук в середине 1920-х годов писал, что «две причины: бездействие учительства и теория “арелигиозного” воспитания, тормозившие дело антирелигиозной пропаганды среди детей, – могут считаться в настоящее время если не сданными еще окончательно, то, во всяком случае, с минуты на минуту отходящими в архив истории»⁷⁷. Но тут же завершал статью словами, не противопоставлявшими антирелигиозное безрелигиозному воспитанию: «Вот... то, что должно быть положено нами в основу антирелигиозной пропаганды среди детей и их безрелигиозного воспитания»⁷⁸.

Летом 1927 г. журнал «Народный учитель» поместил статью педагога А. Блинникова «О безрелигиозном воспитании». Лучшим методом антирелигиозной пропаганды, по Блинникову, является сокрытие того, что вы ее ведете: «Прежде всего, не нужно говорить ученикам, что вы ее ведете, что вы уничтожаете веру в Бога». Ученик сам в процессе обучения должен придти к неверию. И сделать это нужно незаметно, чтобы у школьников создалось впечатление, что он самостоятельно пришел к отрицанию существования Бога: «Школа с первых же дней появления детей в ней шаг за шагом должна объяснять ребенку весь мир, исправлять религиозные ответы на научные»⁷⁹. «Неопытные “антирелигиозники”, – отмечал А. Блинников, – допускают, что стоит только сказать, что Бога нет, совершить какой-нибудь выпад против попа, против иконы, осмеять раввина, муллу – и религиозное миропонимание у человека рассеется... Кто так ведет антирелигиозную пропаганду, тот только еще глубже вбивает религию в ученика. А еще хуже делают те, кто при начале объяснения какого-нибудь явления в природе заявляют слушателям, что это делается для того, чтобы вытравить из них религию, веру в Бога». Ребенок приходит в школу «уже с имеющимися “взглядами”... и, чтобы это мировоз-

⁷² Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. С. 60.

⁷³ Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. СС. 62.

⁷⁴ Зырянов Ив. Антирелигиозная пропаганда. Методология, задачи и содержание. Харьков. 1926. С. 57 (далее: Зырянов Ив. Указ. соч.).

⁷⁵ Глан Я.М., Кононов А.Т. Антирелигиозная пропаганда в школе. М., 1926. С. 67.

⁷⁶ Глан Я.М., Кононов А.Т. Антирелигиозная пропаганда в школе. М., 1926. С. 67–68.

⁷⁷ Олещук Ф.Н. Об антирелигиозной пропаганде среди пионеров / Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. М., 1925. С. 35.

⁷⁸ Олещук Ф.Н. Об антирелигиозной пропаганде среди пионеров / Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. М., 1925. С. 42.

⁷⁹ Блинников А. О безрелигиозном воспитании // Народный учитель. 1927. № 7–8. С. 38.

зрение заменить научным, следует заменить каждый ответ в его памяти новым ответом, сотни ответов изменить», – заключал А. Блинников⁸⁰.

Безрелигиозники считали, что только скрытое «научно обоснованное» подрывание веры с годами может дать нужный им результат. И как это ни парадоксально, такая позиция всегда представляет большую угрозу для веры, чем открытое на нее гонение, которое, впрочем, может подготовить почву как для последующего укрепления религиозного сознания, так и для превращения общества в безрелигиозную, индифферентную к вере массу.

Осторожность приверженцев безрелигиозного воспитания в те годы была вызвана и тем, что значительное число населения верили в Бога. 32 % крестьян Донского округа в 1926 г. сожалели о том, что в школах не преподают Закон Божий. Среди ответов звучали доводы: «Закон Божий нужен для совести детей». «Считая религию основой нравственности, не могу сочувствовать отсутствию преподавания Закона Божьего»⁸¹.

Родители школьников в большинстве отрицательно относились к перспективе введения антирелигиозного воспитания в школе. Преподаватель А. Комаров из Северодвинской губернии в 1928 г. провел обследование настроений крестьян к этому вопросу в своем селе. Результаты получились следующие: за нейтралισμό школы в религиозном вопросе высказались 73 человека (60,3 %), из них от 14 до 18 % показали себя людьми, стойкими в вере, которые приветствовали бы возвращение в школу Закона Божия («Надо про Бога учить»); за антирелигиозное воспитание высказались 27 человек (22,3 %)⁸².

Дети, особенно маленькие, находились под влиянием родителей, и поэтому в религиозные праздники (Рождество, Пасха) классы часто оставались пустыми. И это наблюдалось не только в деревне. В Ленинграде в одной из школ в дни Рождественских праздников класс тоже пустовал⁸³. На это жаловался школьник Фрумкин на конференции учащихся Центрального городского района Ленинграда 3 марта 1928 г.: «У наших ребят еще имеются темные оттеночки старинного времени – если религиозный праздник, то нужно отдыхать, а не учиться»⁸⁴.

Данные анкет о религиозности школьников в 1927–1928 гг. противоречивы. Это связано как с особенностями местностей, где проводились обследования, так и с относительной искренностью ответов школьников. В октябре-ноябре 1927 г. ячейка СБ просвещенцев Сокольнического района Москвы провела анонимное анкетирование в седьмых группах восьми школ. Самый высокий процент верующих учащихся показала школа № 31 – 46,1 %, самый низкий процент школа № 52 – 26,8 %. Среднее число верующих составило 41,8 %. Причем процент верующих девочек, как правило, был значительно выше процента верующих мальчиков (в школе № 7 оказалось 7 верующих мальчиков (16,6 %) и 37 верующих девочек (60,6 %))⁸⁵.

Осенью 1927 г. Институт методов школьной работы Наркомпроса подвел итоги своего обследования 1,5 млн. детей, некоторые из них отвечали и на вопрос о вере в Бога⁸⁶. Положительно ответили 25 % детей, отрицательно 51 %. Соотношение верующих мальчиков и девочек оказалось 39,7 % к 59 % соответственно⁸⁷.

В 1928 г. группа партийных работников педфакультета второго МГУ по поручению Главного управления социального воспитания Наркомпроса (Главсоцвос) провела анкетирование школьников Марьиной Рощи (Москва) с целью выявления политических, религиозных и наци-

⁸⁰ Блинников А. О безрелигиозном воспитании // Народный учитель. 1927. № 7–8. С. 37.

⁸¹ Темкин А. Что думает крестьянство и казачество Донского округа о школе // Народное просвещение. 1927. № 8–9. С. 177.

⁸² Ежемесячник Северодвинского губоно. 1928. № 6–8. С. 8.

⁸³ ГАРФ. Ф. А-1575. Оп. 10. Д. 555. Л. 117.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. А-1575. Оп. 10. Д. 555. Л. 117.

⁸⁵ Антирелигиозник. 1928. № 3. С. 57–62.

⁸⁶ Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1928. С. 12.

⁸⁷ Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1928. С. 145.

ональных представлений⁸⁸. Из 394 школьников верующими себя назвали 119 (около 30 %), неверующими – 261 (около 66 %), не ответили и ответили «не знаю» – 14 (около 4 %)⁸⁹. В четвертых группах картина несколько менялась: из 350 школьников верующими назвали себя 41 (12 %), неверующими – 282 (80 %), 27 человек (около 8 %) ответили «не знаю» или уклонились от ответа⁹⁰.

Условность данных подобных обследований становится очевидной при сравнении с данными по другим районам РСФСР. Например, обследование школ Сергиева Посада в 1928 г. выявило 51 % верующих (т. е. на 5-м году обучения – 55 %, на 6-м – 54 %, 7-м – 39 %, 8-м – 44 %, 9-м – 58 %)⁹¹. Вместе с тем анкетирование одной школы Златоустовского округа на Урале выявило, что в 7-й группе из 40 школьников оказался только один верующий мальчик⁹²

---

⁸⁸ Бендриков К. Религиозные, национальные и политические представления детей-школьников // Народное просвещение. 1928. № 12. С. 30.

⁸⁹ Бендриков К. Указ. соч. С. 40. См. также: ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 428. Л. 89.

⁹⁰ Там же. С. 43; там же. Л. 90.

⁹¹ Вожатый. 1929. № 1. С. 42.

⁹² Просвещение на Урале. 1928. № 7–8. С. 98.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.